

М. Н. Махонина

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛЕКСИКИ НАИМЕНОВАНИЙ МЕХОВ

Охота на пушных зверей, изготовление одежды из меха и функционирование отдельных шкурок в качестве денежного эквивалента уходят в глубокую древность. В Европе основными экспортёрами меха были славяне. Л. Нидерле пишет, что из предметов экспорта у славян "первое место занимали меха и мед. Вывозили мех бобра, горноста, белки, куницы, соболя, лисицы, выдры и медведя. Эта торговля засвидетельствована целым рядом восточных сообщений X и XI веков" [10, 350].

Первое место в торговле пушиной занимала Русь с ее огромными лесными пространствами. Еще в XUII веке Россия представляла, по отзывам иностранцев, во всей своей совокупности как бы громадный зверинец: нигде в мире не ловится большее количество белок, серых и рыжих, горностаев, куниц, лесных кошек, рысей и т.д. Под самой Москвой речки кишмя кишели бобрами, например, Клязьма, Воря и другие. Рысиными, горностаевыми и белчьиными мехами славились в XVI веке Галицкое и Угличское княжества, в XV веке около Углича еще попадались соболи. Лучшие куньи меха шли из муромских лесов", — пишет С.В. Бахрушин [3, 579]. Остановившаяся на территориальном распространении отдельных видов пушных зверей, Н. Аристов отмечает: "Обилием соболей славились Югра и Самоядь, области, подвластные Новгороду, в Белозерской области около Шексны находились медведи, Двинская земля, нынешний Вологодский край, водились в нем также бобры и соболи. Куницы и бобры встречались в Ярославской земле и костромских пределах. В земле Рязанской и Московской области существовали бобровые гоны" [1, 144].

Меха на Руси широко использовались в качестве теплой, зимней, а иногда просто богатой и дорогой одежды. Известно, что в наряд сокольника при царе Алексее Михайловиче обязательно входила горностаевая шапка [5, 328], богатые люди имели соболя шубы и одеяла,

ходили в кунных одеждах. Горностаи шли на украшение верхней одежды и платья, русские женщины делали из них опушки на платьях и накладки снизу до колен. Из шкуры бобра делались колчаны, из волчьих и барсовых мехов — шлепы [1, 147], шкуры медведей шли на шубы, на полости и на рукавицы, шкуры барсуков — на обивки сундуков и на хомуты [7, 265].

Существует ряд исторических свидетельств и о выплате пушной различного вида поборов, в частности, дань с новгородских колоний взималась пушнинной. На миниатюре Радзивилловской летописи эта дань изображена в виде мехов, связанных "круглым бунтом", т.е. кольцами из ивовых прутьев. По мнению В.А. Арциховского, так всегда связывали кунит. Сведения о выплате оброка пушнинной относятся ко временам Киевской Руси. Известно, что в XV в. владения Кириллово-Белозерского монастыря были обложены пушным оброком в пользу князя, и пошлины за рыбную ловлю в этом районе также взимались белками [12, 64-65]. В XV в. в Рязанском княжестве существовали особые "меховые подвозники", которые были обязаны возить на княжеский двор оброчные меха [3, 584]. Подать мехами, как свидетельствуют исторические источники, существовала в некоторых районах Русского государства вплоть до первой трети XVI в. [12, 68].

Меха, таким образом, являясь неотъемлемой частью материальной культуры, имели широкое хождение на Руси как товар и как особая форма денежного эквивалента, что определило функциональную многозначность ряда наименований мехов, обозначавших также и вид пошлины, и деньги [9]. Функциональная связь мех — деньги находит отражение и в названиях древнерусских монет обла и коуна, а одна из этимологий названия белка в русском языке связывает его с серебряной тюркской монетой [6, 194].

Поскольку славяне были в течение долгих веков чуть ли не единственными экспортёрами меха, то названия соответствующих животных и их мехов были известны европейским народам именно в том виде, какой был свойственен им в языках славян. По свидетельству Л. Нидерле, "славянские названия куниты и белки (*viverra*, *kuuváin*) проникли еще до н.э. в латинский и греческий языки" [10, 349]. Особенно интересен факт функционирования славянских наименований меха на пушных рынках в Ганзе (XV век).

Этот вопрос разрабатывался рядом исследователей. Так, историк М.Н. Лесников, изучив документы торгового дома Фекингаузенев, пишет: "Мы имеем перед собой, несомненно, очень тонкую дифферен-

циацию сортов, разработанность ассортимента. Где же и кем она была создана? Можно думать, что это в значительной мере дело русских звероловов и купцов. Ни один исследователь, в том числе и немецкий, даже и не пытался вывести номенклатуру этих сортов из немецкого языка. Напротив, все указывают на славянское происхождение большинства названий" [8, 72]. Тем не менее далеко не во всех случаях можно определить, какой мех соответствует тому или иному немецкому наименованию. М.Н. Лесников установил, что названия, содержащие в своем составе — *werk*, указывают на беличий мех [там же, 74]. А.Л. Хорошкевич отмечает, что названия *porrelen* и *sheve-nissen* фигурировали на ганзейской ярмарке для обозначения сортов беличьего меха — подпаль и шевня [12, 83]. Остановимся подробнее на этих двух названиях.

Как пишет А.Л. Хорошкевич, *porrelen* — это "беличий мех с некоторыми недостатками и продавался дешевле остальных сортов" [там же]. Она соотносит название *porrelen* с русским подпаль. Что же это за мех? Название подпаль широко представлено в русской деловой письменности XVI—XVII вв.: 300 белки подпали (КДРС, Там. кн. II, 198), 700 векош зелени и подпали (КДРС, Там. кн. III, 63), 100 подпали черной (КДРС, Кн. зап. Макар. ярм., 99), сто восемьдесят бѣлокъ подпалеи (КДРС, Якутск. а., к. 3, № 15, сст. 4) и мн. др. Приведенные контексты указывают на то, что речь идет именно о беличьем мехе. Существительное подпаль представлено в словарях также со значением, указывающим на плохой сорт беличьего меха "белка с уже полною, но не прочною шерстью; мездра черная" [13, 70], "плохая белка с черною мездрую, раннего промысла, недошлая" [Даль, III, 194], "щенок или недошлая белка, пойманная в раннем осеннем промысле, имеет шкуру тонкую, волос редкий и низкий" [4, 92]. Значение существительного подпаль в русском языке, однако не ограничивается отнесенностью к беличьему меху. В "Опыте областного великорусского словаря" отмечается: "подпаль — молодой, недорослый и обыкновенно черный бык" [Опыт, 164].

Таким образом, существенно, что в названии подпаль как применительно к молодому быку, так и применительно к беличьему меху содержится указание на черный цвет, правда, когда имеется в виду беличий мех, указание на черный цвет относится не к самому меху, а к его внутренней стороне — мездре, на что последовательно обращается внимание в лексикографических материалах. В современных говорах Сибири, где представлено существительное подпаль, толкова-

ние этого слова также может сопровождаться указанием на черный цвет мездры: "Подпаль - белка с невылинявшей шерстью. У подпали черна мездра" [II, 316]¹.

В документах ганзейской ярмарки встречается еще одно название беличьего меха *shevenissen*. По мнению исследователя ганзейской пушной торговли Л. Штиды, шевной называлось "цельное полотно сшитых мехов" [15, 50]. Эта точка зрения нашла отражение и в диссертационной работе И.Н. Шмелевой, посвященной анализу Торговой книги XVI в. [14, 258]. В Словаре В.И. Даля слово шевня объясняется аналогичным образом: "мех, мешок, два полотнища мехов на шубу или нужное на это число шкур" [Даль, IV, 635].

Имеется и другая точка зрения: шевне и назывались "отходы при сортировке, брак, может быть даже нецельные шкурки, обрывки или обрезки" [8, 90]. Для доказательства этой точки зрения приводится тот факт, что *shevenissen* продавалась в бочках большими партиями по 1000 штук, по цене в 4 раза уступая "чистой", т.е. обычной качественной белке [12, 54].

В старорусских деловых памятниках наименование шевня представлено достаточно широко: 11900 белки шевни (КДРС, Там. кн. I, 221), 1000 векош зелени, 1000 векош шевни (КДРС, Там. кн. III, 191), 660 белки шевни (КДРС, Там. кн. Моск. I, 63) и др. Как мы видим, большие цифры, сопровождающие наименование шевня, не вызывают ассоциаций с шубами и полотнищами мехов.

Что касается толкования значения существительного шевня, имеющего место в словаре В.И. Даля ("мех, мешок, два полотнища мехов на шубу или нужное на это число шкур"), то для иллюстрации указанного значения В.И. Даль приводит такой пример: "Брати пошлны ... съ (облячей) шевне по деньгѣ. Акд." В Предисловии к Словарю сокращение Акд. не расшифровывается, однако цитата почти полностью совпадает с цитатой, имеющейся в КДРС: "А брати ему дворовая пошлина съ тысячи облячки Шувайские и Устюжские по четыре денги, а съ шевни по денги" (КДРС, ААЗ, I, 399). Этот пример мог вполне дать

¹Номинация беличьего меха по цвету мездры находит отражение и в наименовании синец, или синья белка, "отличительной чертой которой был по черной мездре беловатый отлив, дающий ей синий цвет" [13, 72]. Видимо и белка первоначально наименование качественного беличьего зимнего меха с белой мездрой.

В.И. Дали основание для приведенного выше объяснения. Однако при учете дешевизны и большого количества продаваемой шевни этот пример требует, с нашей точки зрения, иного прочтения. Видимо, в тексте пропущено слово с тысячи, которое разумелось само собою, т.е. с тысячи шувайских и устюжских белок и с тысячи шевни.

Таким образом, более убедительна точка зрения тех исследователей, которые считали, что наименование шевня обозначает отходы при сортировке, брак, нецельные шкурки, однако с тем уточнением, что шевни — это не обрывки и обрезки, которые в таможенных книгах никогда поштучно не считались. Скорее всего, здесь речь идет о дефектной, бракованной, порезанной, а потом сшитой беличьей шкурке.

Литература

1. Аристов Н. Промышленность Древней Руси. СПб., 1886.
2. Арциховский В.А. Древнерусская миниатюра как исторический источник. М., 1944.
3. Бахрушин С.В. Княжеское хозяйство ХУ и первой половины ХУІ в. // Сб. статей, посвященных В.О. Ключевскому. СПб., 1909.
4. Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. II. СПб., 1894.
5. Забелин И. Черты русской жизни в ХУІІ столетии. // Отечественные записки. 1857. Т. ІІО, кн. I.
6. Корнилов Г.Е. К этимологии русского диалектного векша 'белка обыкновенная' // Этимология 1971. М., 1973.
7. Костомаров Н.И. Очерк торговли Русского государства в ХІУ—ХУІІ веках. СПб., 1862.
8. Лесников М.И. Ганзейская торговля пушниной в начале ХУ века. // УЗ Моск. гор. пед. ин-та им. В.И. Потемкина. Т. УШ, вып. I. М., 1948.
9. Лукина Г.Н. Названия мехов в памятниках древнерусской письменности ХІ—ХІУ вв. // Древнерусский язык: Лексикология и словообразование. М., 1975, с. 56—68.
10. Нидерле Л. Славянские древности. — М., 1956.
11. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна Оби. Т. Ш. Томск, 1967.
12. Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в ХІУ—ХУ веках. М., 1963.
13. Черепанов С. Собрание мало известных слов, касающихся зверо-промышленности. // Библиотека для чтения. Т. 125. СПб., 1874.

14. Шмелева И.Н. Русская торговая книга XVI в. Дисс. Л., 1948.
15. Штида Л. О различных именах сортов меха в ганзейское время.
// Труды IX Археологического съезда. М., 1897.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ИСТОРИКО -
КУЛЬТУРНЫЙ
АСПЕКТ
ЛЕКСИКО -
ЛОГИЧЕСКОГО
ОПИСАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА

ЧАСТЬ 2

МОСКВА
1991